

М. Коваленский

**Московская политическая литература XVI
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Коваленский**
Московская политическая литература XVI века / М. Коваленский – М.: Книга по Требованию, 2018. – 136 с.

ISBN 978-5-517-99387-8

ISBN 978-5-517-99387-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Московская политическая литература XVI вѣка.

Въ составъ настоящаго „Изборника“, какъ называли подобныя книги наши предки, вошло довольно много разнообразнаго матеріала. Тутъ и оффиціальныя грамоты, и соборныя отвѣты, и нравоучительныя слова, и „горчайшія полыни“, Сказанія русскаго боярина (кн. Курбскаго), и „слова съ жалостію“, „душеполезныя зѣло“, аеонскаго монаха (Максима Грека). Странный подборъ произведеній для характеристики политической литературы той эпохи... Такъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Но дѣло въ томъ, что въ XVI вѣкѣ вырабатывались не только опредѣленные взгляды на власть, на организацію государства,—создавались и тѣ политическія программы, которыя должны были дать душу этой организаціи, опредѣлить весь характеръ жизненной ея дѣятельности. Эти программы родились не сразу, онѣ не были заимствованы цѣликомъ ни съ Запада, ни съ Востока, но выросли органически на русской почвѣ, отшлифовались и заострились въ жестокой, вѣковой борьбѣ. Въ созданіи этихъ программъ участвовали самые различные слои русскаго населенія, самые различные умы ихъ вынашивали и различные сердца ихъ „выстрадывали“. Надъ ихъ выработкой одинаково потрудились и Всегрозный царь Иванъ Васильевичъ, и „лукавые мнихи Юсифляне“, и благовѣщенскій попъ „Селиверстишко“, и служилый человѣкъ Ивашка Пересвѣтовъ, и многіе, многіе другіе, въ томъ числѣ и очень знаменитые, и совсѣмъ безымянные—анонимы. Отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагались эти программы, отдѣльныя политическія мысли возникали и въ одинокой кельѣ отшельника, и въ палатахъ церковнаго собора, появлялись и на устахъ проповѣдника, и подъ перомъ историка. Вотъ почему этихъ мыслей приходится искать всюду и находить ихъ въ такихъ неожиданныхъ подчасъ мѣстахъ. Вотъ почему такъ пестра и разнообразна и программа этого сборника...

Московское государство XVI вѣка стояло на рубежѣ двухъ эпохъ, рѣзко различныхъ по всему своему характеру. Мелкій удѣлъ Калиты разростался въ обширное, національное царство Грознаго, съ новыми обширными задачами и съ новой, сложной

организаціей; страна натурального хозяйства, натуральных кормовъ и оброковъ,—шкурами и груздими, баранами и овсами,—переходила къ денежнымъ пошлинамъ и оброкамъ, связывалась водными путями съ Англіей, строила подлѣ царственнаго Кремля—купеческій Китай-Городъ; земля варваровъ-московитовъ, надъ которой смѣлились заѣзжіе иноземцы, о безграмотности которой скорбѣли свои русскіе люди, гдѣ не только въ попы было некого ставить, если не ставить совсѣмъ безграмотныхъ, но гдѣ и великіе князья оказывались неграмотны и некнижны, — готовилась выдвинуть такихъ книжниковъ и начетчиковъ, каковы Курбскій и царь Иванъ, такихъ дѣятелей культуры, какъ митр. Макарій, и создать такой подъемъ національнаго искусства, которому удивляются потомки, дающіе вѣку царя Ивана названіе Золотоу вѣка.

Жизнь должна была кипѣть въ такой странѣ и въ такое время. Но кипѣла въ ней и внѣшняя и внутренняя борьба. При несмѣтныхъ богатствахъ русскихъ лѣсовъ и татарскихъ степныхъ пространствъ, при обиліи своихъ рѣкъ, приводившихъ къ чужимъ морямъ, было за что бороться—и русскимъ людямъ, и ихъ сосѣдямъ. Войны съ нѣмцами и татарами, съ шведами и поляками наполняютъ собою исторію Московскаго государства; въ среднемъ, черезъ годъ приходилось воевать на западныхъ русскихъ рубежахъ, и по разу и по два въ годъ сѣдлать коней и братья за оружіе на южномъ татарскомъ „берегу“. Внутри шла не менѣе, если не болѣе ожесточенная, борьба. Крестьяне, „сироты государевы“, наполовину уже обезземеленные, наполовину уже закрѣпощенные, и всецѣло закабаленные холопы боярскіе и „дѣтеныши“ монастырскіе—были заложены въ фундаментъ Московскаго государства. На этомъ фундаментѣ ширилось и росло богатѣйшее монастырское хозяйство, съ сотнями сель и тысячами десятинъ, съ денежными оборотами въ десятки тысячъ—и съ банкирскими конторами подъ низкими сводами каменныхъ обителей. Наряду съ этимъ разорялось и падало древнее, гордое своей породой, но не умѣвшее хорошо хозяйничать боярство съ блестящими, титулованными Гедиминовичами и Рюриковичами во главѣ,—Гедиминовичами и Рюриковичами, принужденными сплошь и рядомъ кредитоваться у тѣхъ же „любоимѣнныхъ монаховъ“ и закладывать имъ свои земли и чаши, свои шубы и свадебныя платья. Тутъ же дѣлало первые свои робкіе шаги московское купечество, еще слишкомъ слабое, чтобы справиться съ конкуренціей могущественной Англіи и всецѣло покровительствовавшаго ей „Аглицкаго царя“ Ивана, но уже достаточно выросшее, чтобы стремиться къ одолѣнію этой конкуренціи и къ захвату въ свои руки всей отечественной торговли. Вырастало понемножку и втихомолку и новое служилое

сословіе, набранное отовсюду, не гордившееся и не могшее гордиться своей породой, по умѣвшее извлекать всѣ выгоды изъ своей службы, начинавшее прибирать къ рукамъ и казенныя, и сиротскія-крестьянскія земли, покушавшееся и на земли церковныя, монастырскія, и въ концѣ концовъ отобравшее большую часть земель боярскихъ; съ этимъ возвышеніемъ дворянства связаны и всѣ ужасы Опричины... Въ Александровской Слободѣ Грознаго зарождалась будущая дворянская Россія. Надо всѣмъ этимъ большимъ и сложнымъ зданіемъ возвышался новый, блистательный царскій тронъ, присланный только что изъ Царьграда, и на немъ, въ бармахъ и въ торжественной шапкѣ Мономаха, возсѣдалъ новый Московскій царь, выросшій изъ прежнихъ московскихъ князей удѣльныхъ. У его ногъ толпились его слуги и богомольцы, а тамъ, дальше гдѣ-то, залегали его государевы сироты.

Въ такихъ условіяхъ создавалось Московское государство, въ такихъ условіяхъ выросталъ тотъ общественный и политическій строй, который надолго связалъ свои судьбы съ судьбами самой Россіи, и переживъ бури Смутнаго времени и удары реформъ Петра, пережилъ и 19 февраля и 17 октября, и во многомъ живетъ еще и донныѣ. Въ этомъ интересъ изученія той эпохи не для однихъ только спеціалистовъ.

Элементы, изъ коихъ слагался этотъ московскій строй, были разнородны. Свои привычки и понятія о власти приносили съ собою, изъ своей удѣльной старины, московскіе государи; не легко было имъ отвыкнуть отъ этихъ понятій и привычекъ, и подъ пышною позолотою „царя третьяго Рима“, какимъ теперь являлся потомокъ Калиты, то и дѣло обнаруживались собственныя черты этого потомка, князя-вотчинника, скопидома по мелочамъ, не забывающаго и на смертномъ одрѣ своихъ шубъ и стадъ и своихъ „коробочекъ сердоликовыхъ“ (Ключевскій). Московское государство XVI вѣка на добрую половину оставалось еще вотчиннымъ государствомъ удѣльнаго типа, хотя и разросшимся въ своихъ размѣрахъ и усложненнымъ въ своемъ устройствѣ. Царь Иванъ не забылъ и привычекъ удѣльнаго дробленія, и себѣ выдѣлялъ при жизни свой удѣлъ — Опричину, и сыну Дмитрію отдавалъ въ удѣлъ Угличь...

Однако, наряду съ этимъ появлялись у московскаго государя и другія, новыя задачи. Зачатки переменъ можно было замѣтить и раньше, въ глубинѣ самой удѣльной эпохи, но теперь они явственнѣе выступили впередъ и сильнѣе опредѣлились. Задачи эти ставились разными слоями русскаго населенія, и вытекали изъ такъ или иначе понятыхъ ими собственныхъ ихъ интересовъ. Всѣ классы русскаго общества, какіе могли, старались привлечь государственную

власть къ служенію себѣ, на защиту своихъ классовыхъ интересовъ. На этой почвѣ слагались различныя политическія программы, заполнявшія всю московскую литературу той эпохи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ нѣсколькими конкурирующими, почти можно сказать, партійными программами: съ одной стороны, это программа іосифлянская, выросшая въ рядахъ господствующаго чернаго духовенства, предводимаго волоцкимъ игуменомъ Іосифомъ Санинымъ; программа эта сводилась къ защитѣ церковныхъ имуществъ, къ преслѣдованію еретиковъ и на этихъ условіяхъ—къ созданію и поддержкѣ нарождавшагося московскаго абсолютизма; въ эту программу вошли и идеи, почерпнутыя изъ литературы греко-славянскихъ легендъ, о Византійскомъ наслѣдствѣ и о Москвѣ—Третьемъ Римѣ. Другую совсѣмъ программу выдвинули идейные противники іосифлянъ, заволжскіе старцы-нестяжатели, во главѣ съ Великимъ старцемъ Ниломъ Сорскимъ, и ихъ классовые соратники, соперники „сребролюбныхъ“ иноковъ, князья и бояре; тутъ были защитники нестяжанія и гуманности, убѣжденные враги нетерпимости и абсолютизма. Третью программу, дворянскую, выставилъ въ своихъ трактатахъ первый дворянскій публицистъ Ивашка Пересвѣтовъ; на практикѣ эту программу проводила уже Избранная Рада Грознаго, а затѣмъ, въ иной, болѣе рѣзкой формѣ, Опричина; земельное обезпеченіе служилаго сословія и абсолютизмъ—основныя элементы этой программы.

Не всѣ памятники, нашедшіе себѣ мѣсто въ нашемъ „Изборникѣ“, относятся къ самому XVI вѣку; та борьба іосифлянъ съ нестяжателями и монаховъ съ боярами, которою открывается этотъ вѣкъ, началась раньше, и цѣлый рядъ документовъ, ее характеризующихъ, относится къ концу предыдущаго столѣтія. Затѣмъ и изъ болѣе ранней поры пришлось взять нѣсколько памятниковъ, чтобы показать наглядно ту удѣльную старину, изъ которой выросъ, переросши ее, московскій порядокъ, и которая, при всей своей противоположности этому порядку, сильнѣйшимъ образомъ на него вліяла и исчезла далеко не сразу. Кончается сборникъ эпохой Ивана Грознаго, когда достигли наибольшей опредѣленности какъ разъ тѣ теоріи и программы, коимъ суждено было побѣдить въ борьбѣ.

Разумѣется, всѣ памятники, включенные въ эту книгу, не могли быть помѣщены въ ней цѣликомъ; иначе пришлось бы создать цѣлую бібліотеку въ десятокъ и больше томовъ. Да это и не требуется въ изданіи, предназначенномъ для большой публики, а не для ученыхъ спеціалистовъ. Спеціалисты знаютъ, гдѣ найти имъ самыя памятники; нашей помощи имъ не нужно... Для большой же публики, ищущей отвѣта на общіе вопросы, стремящейся ориен-

тироваться въ смыслѣ окружающей дѣйствительности и прослѣдить ея происхожденіе, ея исторію, надо было дать возможно полный подборъ отрывковъ, освѣтить политическія программы возможно шире, показать по возможности всѣ изгибы московской политической мысли той эпохи. Поэтому намъ пришлось, волей-неволей, чтобы быть щедрымъ по существу, не скупиться на сокращенія и купюры; всякій, знакомый съ самими памятниками, увидитъ съ перваго взгляда, какъ приходилось намъ сжимать ихъ, чтобы умѣстить на 10 листахъ Стоглавъ и Максима Грека, князя Курбскаго и „Просвѣтителя“, и многое, многое другое. Всѣ купюры и сокращенія мы старались, однако, обозначить для свѣдущихъ людей, прибѣгая для этого къ многоточіямъ.

Въ первый отдѣлъ Изборника, посвященный удѣльной старинѣ, вошли всего три памятника: духовная Ивана Калиты 1328 г., отрывки изъ ханскихъ ярлыковъ той же эпохи, и грамота цареградскаго патріарха Антонія московскому великому князю Василію I, отъ 1393 г. Д у х о в н а я К а л и т ы писана имъ передъ поѣздкой въ Орду, къ хану, когда было неясно, чѣмъ можетъ кончиться эта поѣздка, и „какъ разгадаетъ Богъ о его княжескомъ животѣ“. Духовная эта характерна, какъ памятникъ удѣльныхъ порядковъ и понятій; въ ней ясно отразилась эпоха, когда вотчина почти поглощала собой государство, князь былъ больше частнымъ хозяиномъ, нежели государемъ, думалъ болѣе о своемъ частномъ интересѣ, чѣмъ о благѣ и пользѣ общей и, по выраженію одного историка, не дѣлалъ еще различія, при раздѣлѣ имущества, между своимъ стольнымъ городомъ и своимъ столовымъ сервизомъ (Покровскій). Таковъ именно былъ предокъ Ивана Грознаго Калита. Главныя черты удѣльнаго, вотчиннаго порядка, можно извлечь изъ разбора статей его духовной. Другую сторону русской удѣльной старины рисуютъ отрывки изъ х а н с к и х ъ я р л ы к о в ъ, данныхъ татарскими „царями“ русской церкви. Это памятникъ той зависимости, въ какой находилась около 2¹/₂ столѣтій Русская земля. Но эти же ярлыки показываютъ и достигнутую уже тогда степень развитія и могущества русской церкви, русскаго духовенства, умѣвшаго и при иноземномъ игѣ сохранить свои привилегіи и богатства; недаромъ позднѣе, Иванамъ III-му и IV-му, при первыхъ попыткахъ секуляризаціи, русскіе іерархи не забывали напоминать о высокомъ примѣрѣ хановъ татарскихъ, этихъ защитниковъ церковныхъ интересовъ вѣковъ удѣльныхъ. Г р а м о т а к о н с т а н т и н о п о л ь с к а г о патріарха Антонія великому князю Василію I относится къ сферѣ русско-византійскихъ отношеній. Извѣстно, какое значеніе имѣло для Византіи крещеніе Руси и церковная связь ея съ Цареградомъ: обращался въ союзника и вассала вчерашній врагъ, при Олегѣ грозившій самой гре-

ческой столицѣ, при Святославѣ черезчуръ удачно дѣйствовавшій на Дунаѣ. Если вассальная связь не была никогда реальной, то въ идеѣ она фигурировала не разъ; не даромъ російскій правитель носилъ титулъ и санъ „стольника византійскаго двора“, а самъ византійскій „святой самодержецъ“ титуловался, еще въ XIV вѣкѣ, „царемъ грековъ, болгаръ и россовъ“. Но времена мѣняются, Москва растеть и крѣпнеть, а Византія склоняется къ своему паденію; прежнія отношенія начинаютъ терять подъ собою почву; и уже при Василии I наступаетъ переломъ въ отношеніяхъ къ грекамъ:—запрещается поминать на церковныхъ службахъ имя греческаго самодержца, и московскій государь прибавляетъ многозначительно: „мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и имѣть не хотимъ“. Отвѣтомъ на эту дерзость московскаго князя и является грамота патріарха Антонія; въ ней дается рѣзкая отвѣдь Москвѣ, превозносится власть „царя Ромеевъ“, „самодержца вселенной“, и заранѣе начертывается такимъ образомъ объемъ и значеніе того византійскаго наслѣдства, которое послѣ должно было достаться въ руки этой же самой Москвѣ, въ ея новомъ званіи „Третьяго Рима“.

Второй отдѣлъ сборника отведенъ памятникамъ, трактующимъ какъ разъ вопросы, связанные съ этой теоріей византійскаго наслѣдства. Сюда относятся прежде всего Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ и Сказаніе о Вавилонѣ градѣ. Въ Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ разсказывается о шапкѣ Мономаха и другихъ царскихъ регаліяхъ, какимъ образомъ получили ихъ изъ Царьграда русскіе князья; съ этимъ связана родословная русскихъ князей, ведущихъ свой родъ, какъ оказывается, отъ Пруса, брата Августа, кесаря римскаго. Такъ двоякая связь устанавливается у московскихъ государей съ Римомъ и съ Византіей.

Происхожденіе этого сказанія обслѣдовано проф. Ждановымъ; основнымъ зерномъ перваго сказанія, по его мнѣнію, было устное преданіе о греческомъ походѣ какого-то князя Владимира; въ книжной обработкѣ сказаніе встрѣтилось съ другой, византійскаго происхожденія, легендой „о градѣ Вавилонѣ“—о томъ, какъ были доставлены въ Царьградъ регаліи Навуходносора; въ результатѣ и оказалось, что русскому государю достались какъ разъ эти самыя вавилонскія регаліи. Возникли оба сказанія до царя Ивана, но распространеніе получили въ русской письменности только при этомъ государѣ. Зато въ позднѣйшей литературѣ сказанія получили широкое распространеніе; главные факты, ими сообщаемые, вошли въ оффиціальныя памятники, въ родѣ Степенной книги, а также обросли въ народной фантазіи цѣлой вереницей сказокъ; такія сказки—о Бармѣ Ярыжкѣ и о путешествіи въ Вавилонъ за

коруной царской, за костылемъ и т. п., были записаны въ XIX вѣкѣ учеными изслѣдователями на Волгѣ, на Днѣпрѣ и на Сѣверной Двинѣ. Отразились эти сказанія и въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ XVI вѣка, или московскихъ былинахъ; въ нихъ тоже рассказывается, что царь Иванъ получилъ изъ Царыграда порфиру. Надо прибавить, что сказанія эти не одиноки въ славянской литературѣ: и у сербовъ, и у болгаръ той эпохи были легенды о происхожденіи ихъ царей, сербскихъ Нѣманей и болгарскихъ Асѣней, отъ Августа и отъ Константина, или хотя бы отъ знатнаго римскаго рода.

Третьимъ памятникомъ, трактующимъ о Византійскомъ наслѣдствѣ Москвы, является извѣщеніе митрополита московскаго Зосимы о составленной вновь пасхалии (росписи Пасхи и другихъ подвижныхъ праздниковъ) на 8-ю тысячу лѣтъ. Въ 1492 г. заканчивалась 7-я тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, а по книжнымъ вычисленіямъ выходило, что дольше седьмой тысячи міръ существовать не можетъ, и въ 1492 г. ждали кончины міра и страшнаго суда. При такихъ условіяхъ не представлялось надобности и въ составленіи новой пасхалии на 8-ю тысячу лѣтъ. Это обстоятельство было весьма плачевно и для величія царьградской преемницы-Москвы: торжественное наслѣдство досталось ей подъ самый конецъ существованія міра, передъ вторымъ пришествіемъ. Но 1492 годъ прошелъ, новая восьмая тысяча началась, а конца міра не было. Приходилось признать вычисленія неправильными, и составлять новую пасхалию, на 8-ю тысячу лѣтъ. Эта задача и была выполнена митр. Зосимой; новая пасхалия была разослана по Россіи, и въ извѣщеніи, написанномъ по этому поводу главою русской церкви, проводилась официально новая теорія о Москвѣ—третьемъ Римѣ. Это былъ, такъ сказать, манифестъ о введеніи Москвы въ греческое наслѣдство.

Ко времени Василія III относятся два другихъ памятника, разрабатывающихъ ту же тему. Это два посланія старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоея, одно—къ великому князю Василію Ивановичу, писанное послѣ 1510 г., другое—къ дьяку Михаилу Мисюрю Мунехину, въ 1524 г. Великому князю старецъ Филоей писалъ о тѣхъ высокихъ задачахъ, какія возлагало на московскаго государя полученное имъ византійское наслѣдство. Повторяя вновь и вновь, что два Рима пали, третій Римъ стоитъ, а четвертому не бывать, — Филоей внушалъ великому князю, что онъ призванъ теперь заботиться о вѣрѣ православной, объ интересахъ церкви, объ исправленіи народныхъ нравовъ, не долженъ посягать на имущества, принадлежащія церкви; Филоей возлагалъ на князя и новую обязанность—защищать

обидимыхъ отъ обидчиковъ, говорилъ ему о щедрости и о милости княжеской. Можетъ быть, эти совѣты были внушены псковскому иноку несчастной судьбой Пскова, постигшей его послѣ взятія въ 1510 г. Въ другомъ посланіи къ дьяку Мунехину Филоеѣй разъясняетъ ему, что если какое царство упадетъ, это отъ грѣховъ его происходитъ. Примѣромъ такого паденія царства за грѣхи его Филоеѣй приводитъ царство греческое, и еще разъ возвращается къ теоріи о Москвѣ—3-мъ Римѣ. Сравнивая при этомъ первый Римъ со вторымъ, старецъ приходитъ къ выводу, что все-таки второй Римъ выше: у латынянь и безъ разоренія турецкаго правая вѣра осквернилась ересью, а у грековъ, несмотря на плѣненіе турецкое, вѣра неоскверненною осталась. „Подобаетъ царствующему держати сіе съ великимъ опасеніемъ“, заключаетъ свои разсужденія псковскій старецъ.

Далѣе идутъ памятники, характеризующіе съ разныхъ сторонъ іосифлянскую партію и ея программу. Тутъ прежде всего обращаетъ вниманіе „Просвѣтитель“, сборникъ словъ, составленныхъ волоколамскимъ игуменомъ Іосифомъ Санинымъ,—дѣятелемъ широкаго масштаба и крупнаго значенія, давшего имя всему направленію. Самъ Іосифъ принадлежалъ къ числу родовитыхъ вотчинниковъ, потомковъ нѣкоего Сани, выѣхавшаго изъ Литвы на Русь. Родившись около 1440 г., онъ въ 1460 г. уже постригается въ Пафнугіевомъ Боровскомъ монастырѣ, а съ 1478 г. становится вторымъ по счету его игуменомъ, послѣ смерти св. Пафнугіа. Еще въ инокахъ Іосифъ сдѣлался извѣстенъ, какъ знатокъ священныхъ книгъ; о немъ говорили, что онъ „держитъ Св. Писаніе памятью на краю языка“. Но дѣятельность его въ Пафнугіевомъ монастырѣ скоро обрывается: первая его попытка ввести новый, болѣе строгій уставъ, среди иноковъ поднимаетъ противъ него движеніе, и Іосифу приходится, покинувъ обитель св. Пафнугіа, основывать новый монастырь: такъ возникаетъ, въ 1479 г., монастырь Волоколамскій. Строгій уставъ, введенный здѣсь Іосифомъ, долженъ былъ дать инокамъ необходимую дисциплину; правиламъ этого устава подчинялся и самъ Іосифъ. Въ иныхъ случаяхъ его строгость къ самому себѣ доходила до крайней степени; такъ, онъ отказался увидѣться со своей матерью передъ ея кончиной, такъ какъ мать его была все-таки женщина. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣятельности Іосифа и его обители замѣтны факты, рисующіе его, какъ крупнаго общественнаго дѣятеля и умѣлаго организатора: такъ, въ голодные годы онъ организуетъ въ широкомъ масштабѣ помощь голодающимъ; въ посланіи къ одному вельможѣ высказывается имъ мысль, что слѣдуетъ и раба миловать, такъ какъ и рабы искуплены Христомъ.

Такимъ же крупнымъ дѣятелемъ является Іосифъ въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ, явившейся сперва въ Новгородѣ, а затѣмъ свившей себѣ гнѣздо въ Москвѣ, при дворѣ певѣстки Ивана Ш, великой княгини Елены; церковныя власти, въ лицѣ митр. Зосимы, не трогали еретиковъ, смотрѣли на ересь какъ бы сквозь пальцы. Противъ ереси вооружился сперва новгородскій владыка Геннадій, въ епархіи котораго и явилась ересь; онъ сумѣлъ сплотить для отпора ей другихъ епископовъ и привлечь Іосифа съ его организаторскими способностями и его литературнымъ талантомъ. Зосимѣ пришлось созвать въ 1490 г. духовный соборъ для сужденія о еретикахъ, но рѣшенія собора были, по мнѣнію Геннадія и Іосифа, недостаточно суровы, и оба они настаивали на болѣе крутыхъ мѣрахъ. Объ этомъ говорится въ посланіи Геннадія къ собору и митрополиту 1490 г. и въ посланіи Іосифа къ серпуховскому епископу Нифонту. Затѣмъ Іосифъ принялся за составленіе Сказанія о еретикахъ; это Сказаніе, написанное въ 1493—4 гг., было затѣмъ предпослано, въ видѣ предисловія, большому сборнику словъ противъ ереси, озаглавленному: „Просвѣтитель“. Изъ 16 словъ этого сборника первоначально были написаны первыя 12; инныя изъ нихъ являлись обработкой посланій, написанныхъ ранѣе по тому же вопросу (напр., къ Нифонту). Новыя посланія, написанныя Іосифомъ, и новыя 4 слова „Просвѣтителя“ должны были повліять на великаго князя и на властей духовныхъ, побудити ихъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ противъ еретиковъ. Сюда относятся посланіе къ духовнику государя архимандриту Митрофану, къ сыну Ивана Ш Василію, къ заволжскимъ старцамъ, высказывавшимся противъ казней еретикамъ. Необходимость казней доказывалъ и защищалъ Іосифъ и въ 13—16 словахъ „Просвѣтителя“. Результатомъ всей этой энергической пропаганды были осужденіе и казни еретиковъ, рѣшенныя на соборѣ 1504 г. 15-е слово написано уже въ 1505 г.

Одновременно съ борьбой противъ ереси жидовствующихъ, Іосифъ велъ другую борьбу—съ нестяжателями, защищалъ неприкосновенность церковныхъ имуществъ, право монастырей владѣть населенными селами и деревнями. Этому вопросу посвящены нѣкоторыя отдѣльныя разсужденія Іосифа, объ этомъ же трактуется въ нѣкоторыхъ словахъ „Просвѣтителя“. Результатомъ этой борьбы былъ приговоръ собора 1503 г., подтвердившаго неприкосновенность монастырскихъ владѣній; рѣшеніе собора въ этомъ смыслѣ было представлено государю трижды; одинъ изъ этихъ отвѣтовъ собора 1503 г. приводится въ нашей книгѣ.

Между тѣмъ Іосифу пришлось самому пострадать отъ корыстныхъ посягательствъ свѣтской власти, пришлось вооружиться на защиту богатствъ своего монастыря отъ мѣстнаго удѣльнаго волоцкого князя. Въ борьбѣ съ этимъ княземъ Іосифъ счелъ себя въ правѣ, чтобы избавиться отъ его притязаній, передать свой монастырь въ державу московскаго великаго князя, стать подъ защиту сильной московской власти. Онъ рѣшился на это безъ согласія и вѣдома своего духовнаго владыки, повгородскаго епископа Серапіона, а между тѣмъ переходъ въ московскую державу связанъ былъ и съ перечисленіемъ изъ новгородской епархіи въ московскую митрополию. Серапіонъ не оставилъ этого втунѣ; возгорѣлась борьба, въ которой Іосифъ явился защитникомъ Москвы противъ стараго удѣльнаго строя. Объ этомъ трактуетъ рядъ посланій Іосифа къ митр. Симону, къ Василию Ш, къ друзьямъ волоцкого игумена Третьякову и Кутузову. Посланіе къ Кутузову даетъ достаточное понятіе о сущности поднятаго политическаго спора.

Въ концѣ жизни Іосифа снова возгорѣлся споръ о еретикахъ. Одинъ изъ партіи нестяжателей, Вассіанъ Косой, сталъ снова печаловаться передъ Державнымъ за еретиковъ. Іосифъ снова вооружился противъ этихъ печалованій, и донесъ на заволжскихъ старцевъ, обвиняя ихъ самихъ въ ереси. Вассіану пришлось отвѣчать Іосифу. Такъ до самой смерти Іосифъ оставался упорнымъ защитникомъ православной церкви отъ ересей и церковныхъ имуществъ отъ секуляризаціи. Умеръ онъ въ глубокой старости, 76 лѣтъ отъ роду, въ 1515 г.

Дѣло Іосифа продолжали послѣ него Даніиль, бывшій митрополитомъ въ малолѣтство Грознаго, и инокъ Зиновій Отенскій. Даніиль родился въ 1492 г. въ Рязанской области, и былъ преемникомъ Іосифа по игуменству въ его Волоцкомъ монастырѣ, съ 1515 г. Въ 1522 г. онъ былъ поставленъ въ митрополиты, и занималъ кафедру до 1539 г., когда былъ сведенъ боярами Шуйскими во время жестокой борьбы въ малолѣтство царя Ивана. Умеръ въ Волоцкомъ монастырѣ въ 1547 г. Даніиль былъ по убѣжденіямъ своимъ іосифлянинъ, но не такой крайній, какъ самъ Іосифъ; такъ онъ не былъ противъ помилованія раскальшихся еретиковъ; зато въ его сочиненіяхъ не видно того таланта, какой былъ у Іосифа. Даніиль больше начетчикъ, чѣмъ ученый и проповѣдникъ; работа мысли замѣняется у него больше работой памяти. Ему принадлежитъ Сборникъ, составленный, въ подражаніе Просвѣтителю, изъ 16 словъ, — изъ нихъ 8-е посвящено вопросу о свѣтской власти; — затѣмъ слѣдуютъ 18 посланій на разныя темы. Имѣютъ значеніе для характеристики